

Государственная граница и приграничные территории в пространственном развитии российского Дальнего Востока

Антон Александрович Киреев
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия. antalkir@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена оценке воздействия государственной границы на пространственное развитие РДВ во второй половине XIX – начале XXI вв. Динамика этого воздействия раскрывается через сравнительный анализ периодизации режимов функционирования границы и смены тенденций в распределении населения между приграничными и внутренними территориями макрорегиона. Делается вывод о формировании в 1860-х – 1890-х гг. "отграничной" модели развития РДВ, в которой приграничные территории, как ретрансляторы потоков трансграничных и государственных ресурсов, играли роль ядра пространства макрорегиона.

Ключевые слова: пространственное развитие, государственная граница, приграничные территории, российский Дальний Восток, историческая динамика, режим границы, распределение населения

Для цитирования: Киреев А.А. Государственная граница и приграничные территории в пространственном развитии российского Дальнего Востока. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2026. Т. 20, № 1. С. 33–44.

<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/33-44>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/33-44>

The State Border and Border Territories in the Spatial Development of the Russian Far East

Anton A. Kireev
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. antalkir@yandex.ru

Abstract. This article assesses the impact of the state border on the spatial development of the Russian Far East from the second half of the XIX to the early XXI centuries. The dynamics of this impact are revealed through a comparative analysis of the periodization of border regimes and changing trends in population distribution between the border and internal territories of the macroregion. It is concluded that a "from border" model of development emerged in the 1860s–1890s in the Russian Far East, in which border territories, as relay stations for transborder and state resource flows, played the role of the macroregion's spatial core.

Key words: spatial development, state border, border territories, Russian Far East, historical dynamics, border regime, population distribution

For citation: Kireev A.A. The State Border and Border Territories in the Spatial Development of the Russian Far East. *Ojkumena. Regional Researches*. 2026. Vol. 20, No. 1. P. 33–44.

<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/33-44>

Введение

Утверждение о том, что в ряду российских макрорегионов Дальний Восток (РДВ) отличается существенными особенностями организации своего пространства для отечественной науки не ново. Оно подкреплено широким кругом географических, исторических, экономических и политологических исследований и нашло отражение в документах государственного планирования¹. Общим местом в литературе о РДВ является и тезис о тесной связи его развития с государственной границей и пересекающими её трансграничными отношениями. При этом конкретный механизм воздействия работы государственной границы на развитие макрорегиона, как правило, не раскрывается, а его характер получает кардинально расходящиеся оценки².

Противоречивость оценок роли государственной границы для развития общественного пространства РДВ имеет объективную основу. Прояснить этот вопрос, решить его с большей степенью определенности можно лишь рассматривая связь границы и пространства РДВ исторически, как длительный процесс взаимодействия политических и неполитических факторов, в ходе которого они сменяли друг друга в качестве основных и ведущих. Исходя из этого, целью данной статьи будет описание исторической динамики пространственного развития РДВ и выявление обусловленности её тенденций периодиза-

¹ О «геостратегичности» РДВ см. [28].

² О поляризации образов РДВ как «ворот в АТР» и «осаждённой крепости» см. [6, с. 325–329].

цией функционирования государственной границы России в макрорегионе³. Следует отметить, что пространственному развитию макрорегиона свойственны комплексность и многослойность, поэтому в рамках данной работы будет проанализирован главным образом один из его аспектов, обладающий, однако, фундаментальной значимостью. Речь идет об эволюции демографического "слоя" пространства Дальнего Востока, процессах территориального распределения и перераспределения его населения, в особенности между приграничными и внутренними районами макрорегиона. Этому предмету будет посвящена первая часть статьи. Задачей второй её части станет установление хронологии основных изменений в соотношении барьерных и контактных функций дальневосточной границы (в сферах экономических и миграционных отношений), вызванных переопределением целей российской политики на востоке страны, и прежде всего политики пограничной.

Методологической базой исследования является сравнительный подход в его диахронной и синхронной разновидностях. Диахронное сравнение направлено на обнаружение временной структуры процессов развития демографического пространства РДВ и пограничной политики в макрорегионе, выявление хронологических рамок и особенностей основных исторических периодов этих процессов в интервале с начала 1860-х до начала 2020-х гг. Синхронное сравнение позволит оценить взаимную сопряженность временной структуры демографической и политической динамики макрорегиона и зафиксировать вероятные причинные связи между изменениями в пограничной политике и пространственном распределении населения РДВ.

Информационная база исследования состоит из двух категорий источников. Во-первых, это официальная статистика численности населения РДВ (в границах ДФО 2018 г.) в разрезе его меняющегося административно-территориального деления. Она охватывает как данные переписей с 1897 по 2020 гг., так и результаты административного учёта. Во-вторых, это комплекс политических и правовых документов, которые в период с начала 1860-х по начало 2020-х гг. устанавливали интегральный режим функционирования государственной границы, включавший в себя режимы полосы беспопулярной торговли, пограничной зоны, территориальных институтов развития и иные пространственно специализированные формы регулирования, оказывавшие прямое воздействие на трансграничные отношения РДВ.

Тенденции динамики пространственного распределения населения РДВ

Характерной чертой пространства РДВ является высокая степень территориальной неравномерности в распределении населения, заметно превосходящая аналогичные показатели других макрорегионов России. Эта особенность сформирована не только исключительной обширностью площади РДВ и малой абсолютной численностью его жителей. Важным фактором её поддержания выступает резко выраженная контрастность в освоённости приграничных и внутренних территорий Дальнего Востока. Такая контрастность наиболее четко проявляется себя в южной части макрорегиона, которая вошла в состав России позже остальных.

Если типичным для регионов многих стран мира вариантом градиента населенности между интраграницными и приграничными территориями является сокращение плотности населения по мере приближения к государственной границе, то для РДВ присущ другой, обратный вариант. На большей части протяженности дальневосточного участка сухопутной границы России плотность населения в приграничье существенно превосходит его плотность во внутренних районах макрорегиона. Подобное атипичное распределение населения между приграничными и внутренними территориями отражает исторически сложившуюся модель пространственного развития РДВ, которую можно назвать "отграниченной". В соответствии с этой моделью, основным направлением демографического, социально-экономического и в целом общественного освоения и развития макрорегиона является движение от внешней границы внутрь его пространственного контура.

³ Под государственной границей в статье понимается сухопутный участок границы России в пределах ДФО.

Проследить формирование специфической модели пространственного развития РДВ на длительном временном протяжении позволяет рассмотренные динамики распределения населения между внутренними и приграничными территориями макрорегиона с 1860-х по 2020-е гг.

На середину XIX в. приграничная полоса территории нынешнего ДФО, входившей в то время в состав России (в Забайкалье), существенно не отличалась по своей заселённости от внутренних районов. Это было связано с численным преобладанием на землях Забайкалья аборигенных народов, структура расселения которых складывалась в основном безотносительно к государственным границам, а также со слабым регулированием миграционных процессов со стороны российских властей.

К началу 1860-х гг. демографическая ситуация в дальневосточном приграничье заметно изменилась. Вдоль вновь установленной российско-китайской границы (от р. Аргунь до оз. Ханка) была создана цепь поселений Забайкальского (1851 г.) и Амурского (1858 г.) казачьих войск. Форсированная правительственная колонизация приграничья способствовала значительному росту плотности его населения, которая уже в 1862 г. более чем в 5 раз превысила среднюю плотность населения на РДВ⁴. При этом с точки зрения социально-экономического развития (показателем которого может служить уровень урбанизации) приграничная полоса на общем фоне макрорегиона ничем не выделялась. Кроме того, в начале 1860-х гг. дальневосточное пограничье ещё не получило своей административно-территориальной организации, и его пространственные пределы оставались нечёткими.

Как показала перепись 1897 г., своё достигнутое ранее демографическое лидерство приграничным территориям РДВ в целом удалось закрепить. Несмотря на усилившийся к концу XIX в. приток на РДВ крестьян из Европейской России, темпы роста населения приграничья лишь немногим уступали общедальневосточным. После "отвода Духовского" (1894 г.) приграничные территории в Амурской и Приморской областях почти полностью перешли под административный контроль Амурского и Уссурийского (1889 г.) казачьих войск и фактически были закрыты для вселения крестьян. Тем не менее, за счёт естественного прироста и государственного переселения казаков, приграничье РДВ к 1897 г. сохранило почти 5-кратный перевес в плотности населения. Новой тенденцией, проявившей себя в последние десятилетия XIX в., стала бурная урбанизация приграничных территорий, связанная, по всей видимости, прежде всего с оживлением трансграничной торговли. По доле городского населения (24,4% в 1897 г.) приграничье опережало дальневосточный макрорегион более чем в 2 раза.

Последующие два десятилетия оказались для развития дальневосточного приграничья менее благоприятными. В это время численность жителей приграничья в среднем росла вдвое меньшими темпами, чем население макрорегиона. Ближайшими причинами этого были значительно увеличившиеся масштабы крестьянского переселения на РДВ и усилившаяся закрытость для крестьян земель Амурского и Уссурийского казачьих войск. Сословная замкнутость казачества, его обременённость военно-охранными и иными повинностями становились всё более очевидным тормозом на пути не только демографического, но и социально-экономического развития территорий, занятых казачьими войсками. Индикаторами этого являлись, в частности, изменения в соотношениях плотности населения и уровня урбанизации различных частей пространства РДВ. Так, к 1917 г. разрыв в плотности населения между приграничными территориями РДВ и макрорегионом в целом сократился до трёхкратного. Одновременно с этим заметно уменьшилось и превосходство приграничья по показателю доли в населении горожан.

В период с 1917 г. до переписи 1926 г. пространственная организация РДВ подверглась глубокой трансформации. Важной её составляющей стали крупные административно-территориальные преобразования, в т. ч. переход макрорегиона к началу 1926 г. к новому, окружному и районному, делению. Для приграничных территорий это означало существенное расширение их административных границ: с 1917 по 1926 гг. доля приграничья в площади РДВ увеличилась с 4,1 до 7,5% [27, с. 10–12]. Укрупнение приграничных админи-

⁴ Здесь и далее, если не указано иное, количественные данные основаны на *таблице 1*.

Табл. 1. Динамика населения РДВ* и его приграничных территорий (1862–2020 гг.)
 Table 1. Population dynamics of the Russian Far East and its border territories (1862–2020)

Показатели Годы	Численность населения РДВ (тыс. чел.)	Численность населения приграничья РДВ (тыс. чел.)	Плотность населения РДВ (чел. на км ²)	Плотность населения приграничья РДВ (чел. на км ²)	Доля городского населения на РДВ (%)	Доля городского населения в приграничье РДВ (%)
1862	629,0	131,8	0,09	0,46	5,1	4,1
1897	1293,2	240,8	0,18	0,83	11,2	24,4
1917	2302,1	324,4	0,33	1,12	18,8**	32,9
1926	2620,7	1056,7	0,37	2,02	20,3	21,9
1939	4533,0	1548,2	0,66	3,39	43,0	48,8
1959	6542,0	1938,1	0,93	4,28	62,8	58,3
1970	7737,0	2293,5	1,10	5,01	66,6	62,3
1979	8952,0	2537,3	1,28	5,54	71,1	67,2
1989	10360,0	2803,9	1,48	6,12	730,0	68,4
2002	8835,0	2570,3	1,26	5,62	72,5	68,6
2010	8372,0	2426,7	1,20	5,30	71,7	68,7
2020	7965,7	2295,6	1,15	5,02	73,6	72,9

Примечания: * – в границах ДФО 2018 г.; ** – на 1914 г.

Источник: рассчитано по [1; 2; 3; 4; 5; 8; 10, с. 223–224; 11; 12; 13, с. 79, 162–164, 224–242; 17; 18; 19; 21; 23, с. 100–101; 24, с. 70; 25; 29; 33; 34].

Source: calculated based on [1; 2; 3; 4; 5; 8; 10, p. 223–224; 11; 12; 13, p. 79, 162–164, 224–242; 17; 18; 19; 21; 23, p. 100–101; 24, p. 70; 25; 29; 33; 34].

стративных единиц закономерно сопровождалось ростом численности их населения. Вместе с тем взрывной (почти в 3 раза) рост населения приграничья объяснялся не только районированием, но и значительно усилившимся под влиянием ликвидации казачьих войск притоком на эти территории мигрантов, как внутренних, так и трансграничных. Приток населения в приграничье вновь повысил его плотность до уровня, более чем в 5 раз превышавшего среднеазиатский, но при этом почти нивелировал различия между приграничными и остальными территориями РДВ по доле среди их жителей горожан.

В 1930-е гг. РДВ пережил вторую волну административно-территориальных преобразований, в результате которых общая площадь приграничных районов была несколько сокращена. Изменения административных границ сопутствовали перемещению больших масс населения, осуществлявшиеся под управлением государства. Особенностью этих управляемых миграций было то, что, наряду с заселением приграничья, они преследовали также и цель его очистки от "социально чуждых элементов", включая в т. ч. бывшее казачество, корейцев и китайцев [32, с. 169–172]. В совокупности, как показала перепись 1939 г., эти перемещения способствовали замедлению роста населения приграничных районов на фоне макрорегиональной динамики. Подобное же

торможение наблюдалось и в темпах роста плотности жителей приграничья. Вместе с тем приграничные районы вновь продемонстрировали опережающее увеличение доли городского населения. Судя по всему, их более быстрая урбанизация была следствием интенсивного оборонительного строительства в приграничье и концентрации здесь военных частей.

По окончании Второй мировой войны демографическая динамика дальневосточного приграничья надолго приобретает монотонно понижительный характер. Перелом в тенденциях развития приграничных районов, обозначившийся в 1930-е гг., в этот период становится более широким, системным.

В 1940-е – 1980-е гг. приграничные районы всё реже выступали реципиентами миграции из более западных регионов страны и их доля в общем населении РДВ постепенно падала (с 34,1% в 1939 г. до 27,1% в 1989 г.). При этом административные пределы приграничья в это время стабилизировались (около 6,5% от площади РДВ [26]) и оставались затем в основном неизменными вплоть до наших дней. Плотность населения приграничных районов в абсолютном измерении росла, но разрыв в этом показателе между приграничьем и макрорегионом в целом также постепенно сокращался (с 5,1 раза в 1939 г. до 4,1 раза в 1989 г.). Примечательной тенденцией в развитии приграничных районов (с переписи 1959 г.) стало их отставание по уровню урбанизации. По-видимому, это отставание, превратившееся впоследствии в хроническое, отражало активизацию процессов роста городских поселений прибрежной зоны РДВ.

Общественный кризис в России 1990-х гг. повлек за собой драматические изменения в демографическом состоянии макрорегиона. Уже к 2002 г. численность населения РДВ, не исключая и его приграничные районы, резко снизилась. Однако в приграничье это снижение происходило медленнее, благодаря чему его доля в общем населении РДВ заметно возросла. Одновременно с этим, приграничные районы стали вновь увеличивать свой отрыв от макрорегиона по показателю плотности населения (с 4,1 раза в 1989 г. до 4,5 раза в 2002 г.). Ещё одной характерной чертой пространственного развития РДВ в 1990-х гг. было то, что на фоне начавшихся в макрорегионе в целом процессов дезурбанизации, доля городского населения в приграничье сохранила положительную динамику.

Затягивание демографического спада на РДВ привело к тому, что в итоге возможности приграничных районов по его сдерживанию за счёт своего пространственного положения были исчерпаны. Данные переписей 2010 и 2020 гг. указывают на то, что в первые десятилетия XXI в. убыль населения в приграничье ускорилась (с 2002 по 2020 гг. доля приграничья в населении РДВ упала с 29,1 до 28,8%), а его преобладание над макрорегионом в плотности населения стало уменьшаться (до 4,4 раза в 2020 г.). Доля горожан в населении приграничных районов в 2000-е – 2010-е гг. продолжала расти. Тем не менее, к 2020 г. дальневосточное приграничье по-прежнему отставало по данному показателю от макрорегионального уровня, что говорит о смещении точек социально-экономического роста в другие районы РДВ.

Исторический обзор динамики территориального распределения населения РДВ показывает высокую устойчивость "отграниченной" модели пространственного развития макрорегиона, связанной прежде всего с резко выраженной концентрацией его демографических ресурсов на приграничных территориях. Эта модель развития, сложившаяся во второй половине XIX в., не утратила своего значения до сих пор. Вместе с тем тот же обзор позволяет зафиксировать в демографической динамике дальневосточного приграничья определённую цикличность. Если в 1860-е – 1890-е, 1920-е и 1990-е гг. приграничные территории усиливали или, по крайней мере, закрепляли за собой роль главного центра притяжения человеческих ресурсов РДВ, то в 1900-е – 1910-е, 1930-е – 1980-е, 2000-е – 2010-е гг. их лидерство, их доминирование в демографическом пространстве макрорегиона ослабевало. Кроме того, с середины XX в. наметился тренд к постепенному расхождению, дивергенции позиций приграничья в демографическом и социально-экономическом пространствах РДВ. Для объяснения этой сложной, нелинейной динамики пространственного развития РДВ необходимо обратиться к истории государственной границы в макрорегионе, к периодизации режимов её функционирования.

Воздействие границы на роль приграничных территорий в развитии РДВ

Механизмом воздействия государственной границы на развитие РДВ, и, в частности, на распределение в его географическом пространстве различных общественных ресурсов, является режим её функционирования, т. е. конкретный комплекс контактных и барьерных функций, осуществляемых границей в отношении пересекающих её трансграничных потоков. Различные режимы функционирования дальневосточной границы были непосредственным продуктом государственной пограничной политики, формировавшейся в ходе взаимодействия многих субъектов – от центральных институтов власти до местных групп интересов. Следует отметить, что ввиду особого геополитического положения РДВ пограничная политика в макрорегионе очень тесно связана с внешней политикой России, с реализацией национальных интересов в сфере межгосударственных отношений. Поэтому любая реконструкция периодизации режимов функционирования дальневосточной границы должна отталкиваться от исторической динамики внешнеполитической обстановки в США.

Присоединение к России юга Дальнего Востока и международно-правовое оформление линии дальневосточной границы на всем её протяжении положили начало становлению первого режима её функционирования. Хронологические рамки периода его существования охватывали 1860-е – 1909 гг. Содержательно этот режим функционирования границы можно определить как высококонтактный. Заселения приграничье в военно-оборонительных целях, правительство мало вмешивалось в социально-экономическую жизнь поселенцев. Правовой основой высококонтактного режима дальневосточной границы были установленные российско-китайскими договорами 1858–1860 гг. свободный и беспошлинный порядок двусторонней торговли (в пределах 50-вёрстной приграничной полосы) и безвизовый порядок взаимной миграции [14, с. 99]. Впоследствии, в основном с 1880-х гг., в данный режим был внесён ряд ограничений, касавшихся различных групп товаров и категорий мигрантов. Однако по причине отсутствия необходимого финансирования, кадров и материально-технических средств практическое влияние этих барьеров на трансграничные отношения РДВ было незначительно или краткосрочно.

Поражение России в войне с Японией 1904–1905 гг. кардинально изменило внешнеполитическую обстановку в США. Опасения потерять РДВ заставили правительство пересмотреть свой подход к управлению границей и трансграничными отношениями макрорегиона. Переломным моментом в этом стала окончательная отмена "порто-франко" в 1909 г. Вслед за созданием на границе с Китаем таможен, в 1911 г. для контроля ввоза подакцизных товаров на РДВ была учреждена корчемная стража, а в 1913 г. ликвидирована 50-вёрстная полоса беспошлинной торговли. Параллельно были приняты меры к ужесточению регулирования входящей миграции: установлены секторальные ограничения на "жёлтый труд" и "жёлтую аренду" (1910 г.), введены платные наемные книжки для иммигрантов (1911 г.), увеличены сборы за виды на жительство (1911 г.), а их выдача и контроль за наличием у иностранцев виз перенесены непосредственно на линию границы (1912 г.) [14, с. 103–104, 160–162].

Несмотря на трудности, с которыми столкнулась реализация этой пограничной политики, сформированный ею в 1909–1917 гг. новый умеренно контактный режим границы смог заметно снизить присутствие на РДВ иностранной рабочей силы и импортных товаров. Относительной эффективности такого режима границы содействовала внутренняя (региональная) политика правительства, направленная на интеграцию РДВ в национальное пространство за счёт поощрения переселенческого движения и ввоза в макрорегион отечественной продукции. Так или иначе, уменьшая интенсивность трансграничных связей, переход к умеренно контактному режиму границы снижал привлекательность приграничных территорий, что нашло отражение в статистике их населения.

Революция 1917 г., гражданская война и ввод на РДВ войск интервентов фактически перечеркнули результаты предшествующего этапа пограничной политики. В 1917–1922 гг. государственный контроль над линией дальневосточной границы был, по существу, номинальным. При этом объёмы движения через границу людей, товаров и денежных средств в эти годы возрастают.

На фоне социально-экономического кризиса в России и разрыва связей между РДВ и другими регионами страны, близость к границе и та или иная форма участия в трансграничных отношениях становятся для многих дальневосточников ключевыми условиями выживания.

В 1923–1929 гг. советские власти приступили к восстановлению системы таможенного и миграционного контроля на дальневосточных рубежах. Однако крайне недостаточное финансирование и снабжение институтов границы не позволили достичь того же уровня эффективности, который они имели в 1909–1917 гг. Независимо от декларируемых задач пограничной политики, её реальное воздействие на трансграничную торговлю и миграцию на РДВ вплоть до конца 1920-х гг. оставалось незначительным [7, с. 222–224; 30, с. 216–221; 32, с. 167–172]. Поэтому в целом режим функционирования дальневосточной границы в 1917–1929 гг. можно охарактеризовать как высококонтактный и благоприятствовавший укреплению центрального положения приграничных территорий в демографическом и социально-экономическом пространстве РДВ.

Переход к следующему этапу пограничной политики на РДВ был вызван советско-китайским конфликтом на КВЖД в 1929 г. и последовавшей за ним в 1931 г. оккупацией Маньчжурии Японией. Появление прямой военной угрозы на 4000-километровой дальневосточной границе вызвало вторую, значительно более мощную, волну её барьеризации. Оперативные меры по сворачиванию трансграничной миграции и торговли на РДВ были приняты советским правительством уже во второй половине 1929 г. [14, с. 241]. В дальнейшем под эту новую пограничную политику была подведена необходимая правовая, институциональная и материальная база. Так, система жесткой, по сути, персональной, фильтрации въезда и выезда из страны сформировалась в основном к осени 1935 г., когда постановлениями СНК СССР выдача виз была сосредоточена в центральных органах НКВД, управлявших сетью паспортных столов и иностранных отделов. Что касается трансграничных торговых операций, то их постепенное прекращение на сухопутной границе РДВ (кроме монгольского участка) в феврале 1938 г. привело к упразднению Дальневосточного управления ГТУ НКВД [9, с. 306; 14, с. 220–222].

Построение высокобарьерного режима границы происходило в неразрывной связи со всем комплексом общественных преобразований в СССР 1930-х гг. Установление такого режима и достаточно эффективная реализация его задач были бы невозможны без проведения массовой коллективизации, огосударствления торговли и производства, военно-оборонительного строительства, паспортизации и введения института прописки и т. п. Вместе с тем, при всём нивелирующем различия, тотальном характере этих преобразований, приграничным территориям в них отводилось особое, специфическое место. Наряду с крупными городами и промышленными центрами, приграничные районы СССР в 1930-е гг. получили статус "режимных зон", который предполагал специальные меры обеспечения их безопасности, включая не только ограничения въезда, пребывания и хозяйственной деятельности, но и очистку от "нежелательных элементов". На РДВ большая часть территорий которого в 1933 г. вошла в категорию "режимных"⁵, подобные чистки имели особенно масштабные последствия. Серия депортаций и выселений 1930–1939 гг. в общей сложности лишила Дальневосточный край более чем 350 тыс. человек [32, с. 312–313]. При этом наибольший демографический урон понесли именно приграничные районы, убыль населения в ряде из которых только в результате паспортизации 1933–1934 гг. достигала двух и более раз [31, с. 60].

Советская политика в отношении дальневосточного приграничья не сводилась к ограничениям и чисткам. Составной её частью были мероприятия по развитию приграничных районов, их заселению и экономическому (пере)освоению. Удаляя из приграничья "неблагонадежных", правительство с помощью льгот стремилось заместить их лояльными переселенцами, в основном из числа демобилизованных военных. Кроме того, приграничные районы получали повышенное государственное финансирование, за счёт которого осуществлялось строительство не только укрепрайонов, но и жилья, социаль-

⁵ В 1927 г. механизм принудительной высылки был установлен для полосы в 7,5 км. вдоль линии границы, в 1930 г. он был распространён на полосу в 22 км, а в 1933 г. – в 100 км.

ной и транспортной инфраструктуры [9, с. 207–215, 230–235; 32, с. 168–169]. Однако политика развития, подчинённая задачам укрепления обороноспособности приграничья, а потому избирательная и ситуативная, смогла лишь на некоторое время компенсировать понесённый им ущерб. В долгосрочной перспективе, в условиях консервации высокобарьерного режима границы до конца 1980-х гг., эта политика оказалась недостаточной для того, чтобы предотвратить начавшееся отставание приграничья в темпах роста населения и особенно утрату им роли лидера урбанизации в макрорегионе.

Импульсом к кардинальному пересмотру пограничной политики в конце 1980-х гг. послужило разрешение целого ряда накопившихся межгосударственных противоречий между Москвой и Пекином, включая прежде всего проблемы делимитации общей границы. Демилитаризация советско-китайского рубежа с 1988 г. запустила процесс его дебарьеризации, которая под влиянием развернувшихся в России радикальных общественно-политических изменений всерьёз приобрела обвальный характер. В счастливые годы режим функционирования дальневосточной границы в сферах социально-демографических и экономических отношений стал высококонтактным. Так, уже в 1991 г. СССР и КНР договорились об обмене туристическими группами на безвизовой основе, а в 1992 г. безвизовый порядок был распространён и на индивидуальные поездки по служебным паспортам. К концу 1991 г. были сняты все ограничения на доступ к внешнеэкономической деятельности как для юридических, так и для физических лиц [14, с. 358–360]. Последовавшие за этим стремительный рост трансграничных потоков и их быстрая криминализация заставили российские власти с 1993 г. установить для бурно развивавшихся отношений с соседями определённые правовые рамки. Тем не менее, эти минимальные и довольно гибкие ограничения не лишали дальневосточную границу высокой степени открытости. Её высококонтактный режим, в сложившихся в стране условиях отвечавший интересам большинства населения, предпринимателей и политических элит РДВ, в основных чертах сохранился до конца 1990-х гг.

Как в 1920-е гг., в 1990-е гг. возможность участия в той или иной форме (от организации совместных предприятий и сетей "челночной" торговли до приобретения дешёвых товаров на китайских рынках) в трансграничных отношениях становится для широких слоёв дальневосточников чрезвычайно ценным ресурсом, источником обогащения для немногих и средством выживания для остальных. Пространственная близость к этому ресурсу вновь сделала приграничные районы (прежде всего те, где действовали погранпереходы) центрами экономической жизни РДВ [20, с. 63–67, 114–120], и на фоне нарастающего оттока населения макрорегиона позволила им остаться "островами" относительного демографического благополучия.

Очередное обновление пограничной политики на РДВ было вызвано не внешнеполитическими факторами, а внутривосточными процессами. Обновление в 2000–2014 гг. на дальневосточной границе умеренно контактного режима стало следствием рецентрализации политической системы страны с приходом на пост президента РФ В. В. Путина. Важное место в повестке пограничной политики, формирование которой было сосредоточено в федеральных органах власти, снова заняли задачи обеспечения государственной безопасности. Помимо общего упорядочения и унификации работы системы границы, это повлекло за собой принятие и ряда специальных мер по барьеризации трансграничных потоков, значимых для РДВ. Так, в 2000 и 2006 гг. правительство РФ дважды сокращало срок пребывания в стране безвизовых туристов. Аналогично, в 2000 г. был уменьшен срок пребывания в России и для трудовых мигрантов из КНР. В 2006 г. постановлениями правительства РФ были введены новые ограничения для "челноков" и установлен запрет на работу иностранцев на рынках. С 2004 г. была развернута планомерная борьба с "серыми" торговыми и валютными схемами, до тех пор являвшимися по сути естественной средой обитания трансграничного бизнеса [14, с. 297, 309–310, 387].

Активное вмешательство федеральных властей в 2000–2014 гг. в трансграничные отношения РДВ привело к перераспределению создаваемой в них прибыли в пользу крупных компаний, как правило, зарегистрированных в Москве и слабо связанных с макрорегионом. Новый режим регулирования

трансграничных отношений, отводивший в них приграничью второстепенную, транзитную роль, способствовал усилению оттока жителей приграничных районов. Тому же содействовало и восстановление в 2007 г. в макрорегионе пограничной зоны (шириной до 5 км) [14, с. 387–388; 20, с. 136–146].

Последний крупный поворот в пограничной политике на РДВ наметился в 2014–2015 гг. Его предпосылкой стал геэкономический и геополитический конфликт России и стран Запада по поводу Украины. Нарастание санкционного давления и постепенный обрыв всех типов трансграничных связей с Европой и Северной Америкой существенно повысили значимость для России ее отношений с азиатскими соседями. В целях стимулирования инвестиционного, торгового и туристического сотрудничества со странами Азии российские власти создали в ДФО несколько видов преференциальных зон – ТОР (2014 г.), СПВ (2015 г.), САР (2018 г.), МТОР (2025 г.) – по сути осуществив пространственно селективную дебарьеризацию режима границы. К 2025 г. зоны с таможенными и миграционными преференциями (ТОР, СПВ) появились на территориях 40 из 56 приграничных районов и округов РДВ. Более того, в 2015 г. для макрорегиона была принята "Концепция развития приграничных территорий" [16], предусматривавшая ряд мер государственной поддержки, направленных на формирование на этих территориях "точек роста".

Либерализация пограничной политики, начатая в середине 2010-х гг., мало повлияла на состояние приграничья РДВ [15]. В первой половине 2020-х гг. рост населения наблюдался в пяти приграничных муниципалитетах макрорегиона. В двух из этих муниципалитетов, где рост был наиболее заметным⁶, он действительно может быть связан с работой расположенных в них преференциальных зон. Однако селективный переход к высококонтактному режиму границы не смог изменить общих тенденций развития приграничья. Доля приграничных территорий в населении РДВ продолжает снижаться (в 2024 г. – 28,7%), а разрыв в плотности населения между ними и макрорегионом находится на уровне 2020 г. (4,4 раза). Кроме того, в первой половине 2020-х гг. вновь увеличилось отставание приграничных территорий от среднего уровня урбанизации РДВ (72,3 против 73,8%)⁷. Таким образом, либерализация пограничной политики второй половины 2010-х – первой половины 2020-х гг. в ещё меньшей степени, чем открытие границы в 1990-е гг., оказалась способной остановить начавшийся в советский период процесс утраты приграничьем роли социально-экономического локомотива РДВ.

Заключение

Рассмотренные исторические сдвиги в территориальном распределении населения РДВ, их сопоставление с основными изменениями в режиме функционирования дальневосточной границы дают возможность сделать некоторые выводы об особенностях пространственного развития макрорегиона во второй половине XIX – начале XXI вв.

1) В 1860-е – 1890-е гг. на РДВ сформировалась специфическая модель пространственного развития, ведущая, центральная роль в которой принадлежала приграничным территориям. Исходными предпосылками формирования "отграничной" модели развития являлись сфокусированность государственной колонизации РДВ на решении военно-оборонительных задач и объективные преимущества приграничного размещения поселенцев в условиях их оторванности от демографических и социально-экономических центров России. В дальнейшем важнейшим фактором "отграничной" модели пространственного развития РДВ стала высокая степень торговой и миграционной открытости дальневосточного участка государственной границы;

2) Занимая небольшую часть площади РДВ (от 4,1 до 7,5%), приграничные территории концентрировали значительную часть его населения (от 14,1 до 40,3%), лидировали по показателям плотности населения и уровня урбанизации. Выступать долгое время в роли ядра макрорегиона им позволяла

⁶ В Надеждинском районе Приморского края (рост населения с 2020 по 2024 гг. на 6,6%) и Благовещенском округе Амурской области (на 4,9%) (Рассчитано по: [11; 22]).

⁷ Рассчитано по: [22].

ретрансляция ресурсов и импульсов развития, поступавших как по трансграничным каналам (прежде всего, из Китая), так и, в меньшей степени, со стороны центральных государственных институтов;

3) Демографические показатели фиксируют историческую цикличность в динамике дальневосточного пограничья. Если в 1860-е – 1890-е, 1920-е и 1990-е гг. приграничные территории усиливали или закрепляли за собой роль главного центра притяжения человеческих ресурсов РДВ, то в 1900-е – 1910-е, 1930-е – 1980-е, 2000-е – 2010-е гг. их доминирование в демографическом, а также социально-экономическом пространстве макрорегиона ослабевало;

4) Основной причиной цикличности в динамике приграничья РДВ являлась смена режимов дальневосточной границы, соотношения её контактных и барьерных функций, происходившая, как правило, в тесной связи с изменениями внешнеполитической обстановки в США. Другими факторами, время от времени оказывавшими влияние на степень проницаемости границы, были пограничная политика стран-соседей (особенно в 1900–1917 гг.) и внутриполитические процессы в самой России (в 2000–2014 гг.);

5) С середины XX в., в условиях консервации режима высокой барьерности границы, формируется долгосрочный тренд на постепенную утрату приграничными территориями своего центрального положения в пространстве РДВ. Наиболее явным образом он проявился в потере приграничьем лидерства в уровне урбанизации. Вместе с тем устойчивая неблагоприятная динамика (относительно макрорегиона в целом) характерна и для других демографических показателей приграничья;

6) Судя по всему, в обозримой перспективе ведущее положение в социально-экономическом, а затем и демографическом пространстве РДВ перейдет к районам его морского побережья. Учитывая, что эти районы также выходят к государственной границе, морской участок которой имеет очевидные преимущества как с точки зрения диверсификации трансграничных отношений, так и безопасности, результатом данного процесса может стать новая модификация "отграниченной" модели пространственного развития РДВ.

Литература / References

1. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 7, М.: ЦСУ, 1928. 200 с.
All-Union Population Census of 1926. Vol. 7, M.: TsSU, 1928. 200 p. (In Russ.)
2. Всесоюзная перепись населения 1939 г. // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_2.php?ysclid=mk0xuqf52h489755681 (дата обращения: 11.12.2025).
All-Union Population Census of 1939 // Demoscope Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_2.php?ysclid=mk0xuqf52h489755681 (accessed 11.12.2025). (In Russ.)
3. Всесоюзная перепись населения 1959 г. // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg1.php?ysclid=mk0xue08j7667611171 (дата обращения: 09.12.2025).
All-Union Population Census of 1959 // Demoscope Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg1.php?ysclid=mk0xue08j7667611171 (accessed 09.12.2025). (In Russ.)
4. Всесоюзная перепись населения 1970 г. // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus70_reg1.php?ysclid=mk0y22sfr924360408 (дата обращения: 07.12.2025).
All-Union Population Census of 1970 // Demoscope Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus70_reg1.php?ysclid=mk0y22sfr924360408 (accessed 07.12.2025). (In Russ.)
5. Всесоюзная перепись населения 1979 г. // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus79_reg1.php?ysclid=mk0y4781pz407784759 (дата обращения: 11.12.2025).
All-Union Population Census of 1979 // Demoscope Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus79_reg1.php?ysclid=mk0y4781pz407784759 (accessed 11.12.2025). (In Russ.)
6. Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона / Науч. ред. А.Б. Вольнчук. Владивосток: Дальнаука; ВГУЭС, 2010. 626 с.
Geopolitical Potential of Cross-Border Cooperation of the Asia-Pacific Region Countries / ed. by A. B. Volynchuk. Vladivostok: Dalnauka; VSUES, 2010. 626 p. (In Russ.)
7. Дальневосточная контрабанда как историческое явление: борьба с контрабандой на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – первой трети XX века. Владивосток: ВА РТА, 2010. 292 с.
Far Eastern Smuggling as a Historical Phenomenon: The Fight Against Smuggling in the Russian Far East in the Second Half of the 19th – First Third of the 20th Century. Vladivostok: RCA, 2010. 292 p. (In Russ.)
8. Динамические ряды "Цифры Якутии (XIX–XXI вв.)" // Саха(Якутия)стат. URL: <https://stat.sakha.gov.ru/page.aspx?s=ias&m=12593&p=4704> (дата обращения: 10.12.2025).

- Dynamic series "Yakutia Figures (19th–21st Centuries)" // Sakha(Yakutia)stat. URL: <https://stat.sakha.gov.ru/page.aspx?s=ias&m=12593&p=4704> (accessed 10.12.2025). (In Russ.)
9. Дюллен С. Уплотнение границ: к истокам советской политики, 1920–1940-е. М.: НЛО, 2019. 414 с.
Dyullen S. Border Compaction: To the Origins of Soviet Policy, 1920–1940s. M.: NLO, 2019. 414 p. (In Russ.)
 10. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М.: Наука, 1990. 471 с.
History of the USSR Far East in the Era of Feudalism and Capitalism (17th Century – February 1917). M.: Nauka, 1990. 471 p. (In Russ.)
 11. Итоги ВПН-2020. Том 1. Численность и размещение населения // Росстат. URL: https://www.rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения: 08.11.2025).
Results of the 2020 All-Russian Population Census. Vol. 1, Population Size and Distribution // Rosstat. URL: https://www.rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (accessed 08.11.2025). (In Russ.)
 12. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. В 11 т. М.: "Статистика России", 2012. Т.1. 1071 с.
Results of the 2010 All-Russian Population Census. In 11 vol. M.: "Statistics of Russia", 2012. Vol. 1, 1071 p. (In Russ.)
 13. Кабузан В. М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640–1917). М.: Наука, 1985. 264 с.
Kabuzan V. M. Far Eastern Region in the 17th – Early 20th Centuries (1640–1917). M.: Nauka, 1985. 264 p. (In Russ.)
 14. Киреев А. А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (вторая половина XIX – начало XXI в.). Владивосток: ДВФУ, 2011. 474 с.
Kireev A. A. Far Eastern Border of Russia: Formation and Functioning Trends (Second Half of the 19th – Early 21st Century). Vladivostok: FEPU, 2011. 474 p. (In Russ.)
 15. Киреев А. А. Демографические аспекты развития приграничных муниципалитетов России и Китая в контексте их пограничных политик. *Регионалистика*. 2023. Т. 10, № 5. С. 77–100.
Kireev A. A. Demographic Aspects of the Development of Border Municipalities of Russia and China in the Context of Their Border Policies. *Regionalistica*. 2023. Vol. 10, No. 5. P. 77–100. (In Russ.)
 16. Концепция развития приграничных территорий субъектов РФ, входящих в состав Дальнего Востока и Байкальского региона (утв. распоряжением Правительства РФ от 28 октября 2015 г. № 2193-р) // Минвостокразвития РФ. URL: <https://minvr.gov.ru/activity/kompleksnoe-razvitie-territoriy/razvitie-prigranichnykh-territoriy/> (дата обращения: 03.11.2025).
Concept for the Development of Border Territories of the Subjects of the RF That Are Part of the Far East and the Baikal Region (approved by RF Government Order No. 2193-r of October 28, 2015) // Ministry for the Development of the Russian Far East. URL: <https://minvr.gov.ru/activity/kompleksnoe-razvitie-territoriy/razvitie-prigranichnykh-territoriy/> (accessed 03.11.2025). (In Russ.)
 17. Обзор Приморской области за 1901 и 1902 г. Владивосток: Тип. Примор. обл. правления, 1905. 108 с.
Review of Primorsky Oblast for 1901 and 1902. Vladivostok: Primorsky Oblast Government, 1905. 108 p. (In Russ.)
 18. Памятная книжка Якутской области за 1863 г. / Изд. Якут. ОСК. Санкт-Петербург: Тип. В. Безобразова и Ко, 1864. 220 с.
Commemorative book of the Yakut region for 1863 / Publ. Yakut. OSK. Saint Petersburg: V. Bezobrazov & Co., 1864. 220 p. (In Russ.)
 19. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Санкт-Петербург, 1897. Вып. 1. 29 с.
First general census of the Russian Empire, 1897 / ed. by N. A. Troinitzky. Saint Petersburg, 1897. Issue 1. 29 p. (In Russ.)
 20. Потенциальный Дальний Восток: как расцветают и угасают проекты развития в самом большом регионе России / А. Е. Савченко, Т. Н. Журавская, С. А. Иванов и др. М.: Хамовники, 2024. 318 с.
Potential Far East: how development projects flourish and fade in Russia's largest region / A. E. Savchenko, T. N. Zhuravskaya, S. A. Ivanov et al. M.: Khamovniki, 2024. 318 p. (In Russ.)
 21. Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям. М.: Б.и., 1923. 218 с.
County Results of the All-Russian Agricultural and Land Census of 1917 for 57 Provinces and Regions. M., 1923. 218 p. (In Russ.)
 22. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: Стат. сб. / Росстат. М.: Росстат, 2024. 1081 с.
Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2024: Statistical Collection / Rosstat. M.: Rosstat, 2024. 1081 p. (In Russ.)
 23. Рыбаковский Л. Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990. 138 с.
Rybakovsky L. L. Population of the Far East over 150 Years. M.: Nauka, 1990. 138 p. (In Russ.)
 24. Сергеев О. И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. М.: Наука, 1983. 127 с.

- Sergeev O.I. Cossacks in the Russian Far East in the 17th–19th centuries. M.: Nauka, 1983. 127 p. (In Russ.)
25. Список населенных мест со статистическими данными о каждом поселении, составленный по официальным сведениям: Приморская область. Владивосток: Изд. Примор. обл. стат. комитета, 1915. 141 с.
List of Populated Areas with Statistical Data on Each Settlement, Compiled Based on Official Information: Primorskaya Oblast. Vladivostok: Primorskaya Oblast Statistical Committee, 1915. 141 p. (In Russ.)
 26. СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 января 1947 г. М.: Известия, 1947. 488 с.
USSR. Administrative-territorial division of the union republics as of January 1, 1947. M.: Izvestia, 1947. 488 p. (In Russ.)
 27. Статистический ежегодник 1923–1925 гг. Ч. 1. Хабаровск: Тихоокеан. звезда, 1926. 269 с.
Statistical Yearbook 1923–1925. Part 1. Khabarovsk: Pacific Star, 1926. 269 p. (In Russ.)
 28. Стратегия пространственного развития РФ на период до 2030 г. Утв. распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-п // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/all/157308/> (дата обращения: 30.11.2025).
Strategy for Spatial Development of the RF through 2030. Approved by RF Government Order No. 4146-p of December 28, 2024 // Government of the RF. URL: <http://government.ru/docs/all/157308/> (accessed 30.11.2025). (In Russ.)
 29. Ткачева Г.А. Демографическая ситуация в середине 20-х гг. *Россия и АТР*. 1999. № 1. С. 5–14.
Tkacheva G. A. The Demographic Situation in the Mid-1920s. *Russia and Asia-Pacific Region*. 1999. No. 1. P. 5–14. (In Russ.)
 30. Урбански С. За степным фронтиром: история российско-китайской границы. М.: НЛО, 2023. 480 с.
Urbanski S. Beyond the Steppe Frontier: The History of the Russian-Chinese Border. M.: NLO, 2023. 480 p. (In Russ.)
 31. Уссурийское казачье войско: история и современность / сост. В.Д. Иванов, О.И. Сергеев. Владивосток: УКВ: ИИАЭ ДВО РАН, 1999. 120 с.
The Ussuri Cossack Host: History and Modernity. Vladivostok: UKV: IAE FEB RAS, 1999. 120 p. (In Russ.)
 32. Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2011. 512 с.
Chernolutskaia E.N. Forced Migrations in the Soviet Far East in the 1920s–1950s. Vladivostok: Dalnauka, 2011. 512 p. (In Russ.)
 33. Численность и размещение населения. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. В 14 т.). М.: "Статистика России", 2004. Т.1. 574 с.
Population Size and Distribution. (Results of the 2002 All-Russian Population Census. In 14 vol.). M.: Statistics of Russia, 2004. Vol. 1, 574 p. (In Russ.)
 34. Численность населения РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат РСФСР. М.: Респ. информ. издат. центр, 1990. 377 с.
Population of the RSFSR: According to the 1989 All-Union Population Census / Goskomstat of the RSFSR. M.: RIPC, 1990. 377 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Антон Александрович Киреев, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: antalkir@yandex.ru

Information about the author

Anton A. Kireev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: antalkir@yandex.ru

Поступила в редакцию 08.01.2026

Received 08.01.2026

Одобрена после рецензирования 15.02.2026

Approved 15.02.2026

Принята к публикации 26.02.2026

Accepted 26.02.2026